

Игнатий Николаевич Потапенко

Переписка А. П. Чехова и И. Н. Потапенко

Игнатий Николаевич Потапенко — незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, — жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его ге-

рой — незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и задавленные нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... Повести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856–1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

Содержание

А. П. ЧЕХОВ И И. Н. ПОТАПЕНКО	0005
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 5 февраля 1894 г. Москва	0010
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 10(22) мая 1894 г. Париж	0012
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 17 (29) ноября 1894 г. Париж	0015
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 25 ноября 1895 г. Петербург	0017
ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО 8 апреля 1896 г. Мелихово	0019
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 9(21) мая 1896 г. Карлсбад	0020
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ Вторая половина июля (до 25) 1896 г. Петербург	0023
ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО 11 августа 1896 г. Мелихово	0025
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 23 августа 1896 г. Москва	0028
ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО 10 октября 1896 г. Петербург	0032
И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 22 октября 1896 г. Петербург	0033
ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО 26 февраля 1903 г. Ялта	0034

И. Н. ПОТАПЕНКО
Переписка А. П. Чехова и И.
Н. Потапенко

А. П. ЧЕХОВ И И. Н. ПОТАПЕНКО

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) — прозаик, драматург, фельетонист. Учился в Новороссийском университете и Петербургской консерватории. Начал печататься в 1881 году и скоро стал одним из самых популярных и плодовитых беллетристов. Автор воспоминаний «Несколько лет с А. П. Чеховым» (Чехов в восп., с. 307–363).

Чехов и Потапенко познакомились летом 1889 года в Одессе, П. А. Сергеенко привез Чехова к Потапенко на дачу; сближения не произошло. «Знакомство наше началось не с первой, а со второй встречи, — рассказывает Потапенко в своих воспоминаниях. — Первая же была что-то смутное. Я жил тогда в Одессе, писал в местных газетах, служил в городской управе. Моя прикосновенность к литературе была самая скромная: несколько повестушек, не остановивших на себе ничьего внимания... Поговорили о чем-то местном и случайном, и он уехал, должно быть пожалев о потрачен-

ном времени».

Когда в 1893 году Чехов и Потапенко снова встретились, они «точно в первый раз увидели друг друга». Чехов сообщил А. С. Суворину: «Выражение „бог скуки“ беру назад. Одесское впечатление обмануло меня. Не говоря уж об остальном прочем, Потапенко очень мило поет и играет на скрипке. Мне с ним было очень нескучно, независимо от скрипки и романсов» (7 августа 1893 г.).

Это было началом дружбы. Через полгода после второй встречи они перешли на «ты». Во время своих приездов из Мелихова в Москву Чехов останавливался на квартире у Потапенко. Потапенко был частым гостем в Мелихове; здесь он и писал, и пел, и легко включался в круг забот и трудов деревенской жизни. Разносторонне одаренный от природы, Потапенко, сын украинской крестьянки и сельского священника (в прошлом — корнета), выученик Петербургской консерватории, профессиональный литератор, прошел непростой жизненный путь.

В истории отношений Чехова с Потапенко много примет того, что им было вместе инте-

ресно и душевно просто я легко: летом 1894 года они отправляются в поездку по Волге и вместе по-школьнически убегают от надоевшего им П. А. Сергеенко, на ходу меняя маршрут; за границей в начале 1898 года Чехов нетерпеливо поджидает Потапенко; по возвращении в Россию и апреле 1898 года, не желая лишних встреч в Петербурге, Чехол сообщает о приезде только брату Александру и Потапенко. Критические моменты жизни отмечены их доверием друг к другу и открытостью. Именно к Чехову обращается Потапенко с просьбой о деньгах, когда надо сохранить в тайне и его поездку в Париж, и рождение у Мизиновой ребенка. Потапенко берет на себя цензурные хлопоты в связи с постановкой «Чайки» в Александрийском театре, и с ним же Чехов коротает время перед отходом поезда в Москву наутро после провала пьесы.

При всем этом Потапенко пишет в своих воспоминаниях; «Сближение наше шло очень медленно» — и не присваивает себе имени друга Чехова. Это говорит о том, что Потапенко отдавал себе отчет в истинной глубине внутреннего мира Чехова, который оставался

во многом закрытым для окружающих; Потапенко обозначил дистанцию, которая отделяла Чехова от самых близких людей, и попытался найти ей объяснение: «Творческая работа Чехова чужого глаза совсем не переносила, и так как он творил всегда и даже в непосредственное соприкосновение с жизнью и с людьми вступал как-то особенно, по-своему, творчески, то ему нужно было прятать эту работу, и вот почему самые близкие люди всегда чувствовали между ним и собою некоторое расстояние. И потому я утверждаю, что у Чехова не было друзей». Таких проникновений в особенности личности Чехова в воспоминаниях Потапенко множество.

Близость их была, таким образом, особой. Большую роль в ней играла способность Потапенко вживаться в индивидуальность другого человека, высокий уровень понимания. И поэтому человек легкомысленный, до зрелого возраста «неопределившийся», по его собственному выражению, Потапенко мог понять и даже проанализировать противоположные черты характера — выдержку, твердость духа; писатель, известный своим «мно-

гописанием», он высоко ставил чеховское лаконичное искусство. Именно в письмах к Чехову Потапенко делает горькие признания: «Грустно, брат! В последнее время я совсем перестал заниматься литературой, а занимаюсь черт знает чем, чем-то вроде подделки кредитных билетов. Литература из меня исходит даже уже на кровь, а гноем... Фэ!» (письмо от 22 августа 1894 г. — ГБЛ).

Отношения Чехова и Потапенко были в общем устойчивыми и не знали осложнений. Даже роман Потапенко с Л. С. Мизиновой, хотя и вызвал у Чехова резкие слова по его адресу, не изменил их по существу.

Сохранились 8 писем Чехова к Потапенко и 69 писем Потапенко к Чехову.

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ

5 февраля 1894 г. Москва

Твои томы, дражайший мой Антон, в переплете уже, но из этого не следует, что ты не приедешь в Москву до моего отъезда. В Обществе драматических писателей получил для тебя 272 р. и передал их Маше. От этого до трех тысяч далеко, и на кой черт тебе такая прорва? Но таки доехали с комфортом[1], но Гольцев открестился, а обеих взял Ремезов. Спал сегодня три часа, ибо вчера с Гольц и сестрами были в Эрмитаже, следовательно, вел себя как прилично сыну корнета, а не как писателю. А нынче целый день пишу очерк, который завтра имею несчастье читать в Словесности[2]. Немировича сейчас увижу в подготовительном заседании той же Словесности и скажу. Завтра Лавров именинник, и ему покупают какой-то подарок. Кажется, рискну присоединить твое имя, по пословице — маслом каши не испортишь.

Я в страдательном состоянии духа. Влюблен в Лиду[3], и толку — никакого. Радуюсь за

Хину, потому что эти мерзавцы еще скорее забыли ее.

Кланяюсь всем носящим имя Чехова.

Твой И. Потапенко.

[4]

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ

10(22) мая 1894 г. Париж

Paris, 10 mai.

Что за фантазии, милый Antonio, думать, что я — свинья?[5] Достаточно признать, что я человек, чтобы ожидать от меня большего свинства, чем от самой жирной свиньи. Но нет, в моем поведении не было свинства вовсе. Мне тысячу раз хотелось написать тебе, но настроение все время было столь гнусное, что не хотелось портить тебе твой обед, это — единственное основание моего молчания. Сейчас мое настроение несколько не лучше, но этому надо положить конец. Я беру метлу и гоню его к черту.

Решительно не понимаю, почему я сижу в Париже, а не в Орле, Твери, Москве, Серпухове. «Пустяки двигают нами», и никем так, как мной. Парижа я совсем не вижу, а вижу какие-то свиные рыла[6], как было с городничим. Что дал тебе Крым? Написал ли пьесу? [7] С моей пьесой глупая история. Она наследственным образом попала в петербургский

комитет, на том будто бы основании, что я в Москве *persona grata* [8]. До сих пор не имею известий[9]. Твое описание мелиховской закуски и прочего тронуло меня до глубины души, и мне до смерти захотелось быть в Мелихове. Но пока что — посидим и в Париже. Здесь Яворская с Коршем, но я ее не видел, так как не могу здесь предложить ей ночлега в случае, если она не поладит с своим антрепренером.

У нас тепло, но только стало это сегодня, а то было холодно. Все цветет и зеленеет, но это до меня не касается.

Мое вечное перо, рекомендованное Сергеевской, пишет невнятно, и потому я его бросаю и пишу обыкновенным. Если бы мне пообещали двести тысяч за то, чтоб я ответил на вопрос: что со мной будет завтра, то я не приобрел бы двухсот тысяч. Я думаю, другого такого неопределившегося человека, как я, нет в природе.

Здесь Эртель. Третьего дни был у меня. Прибыл без единого французского слова. На две недели и собирается в Лондон. Оказывается, что здесь также Репин, но не могу разыс-

кать его.

Поклонись от меня своим старикам, поклонись Маше и Мише, а также Ивану Павловичу с супругой. Маше напишу. А ты, бога ради, напиши мне несколько строчек, только непременно *Poste restante*. Скоро я очищу свою душу и буду писать более здравые письма.

Крепко жму твою лапу.

Твой И. Потапенко.

P. S. Как здоровье Григория Александровича Мачтета? Лида поет вокализы.

[10]

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ 17 (29) ноября 1894 г. Париж

17 ноября. 1894 г.

Внимай, Антон Павлович, тому, что я поведаю. Первое дело: держи мое местопребывание в весьма глубокой тайне, ибо так нужно. А второе — вот оно: попал я в тут-а-фе [11] отчаянное положение. Все посулившие бессовестно меня обманули, и я здесь дрожу от холода и прочих невзгод. Человеку, сидящему в теплом доме перед новоустроенным камином, это не вполне понятно, но художник должен вообразить. По каким делам я здесь, это трудно объяснить, а лучше не объяснять вовсе. Но выехать не могу, равно как и уплатить по некоторым счетам. И вот тебе задача: ежели имеются у тебя какие-либо ресурсы, на которые ты рассчитывал после 1-го декабря, а получить их можешь теперь, то послужи службу, сбрось с себя деревенскую лень и съезди в Москву, возьми эти ресурсы, пойди в Лионский кредит [12] и соверши телеграфный перевод на мое имя [13] по следую-

Щему адресу: 60, rue des Mathurins, Paris,
Потапенко.

Касательно суммы имей в виду, что со страданием могу обойтись 200 рублями, а буде можно больше, то и больше. Помни, что буду в Москве 29 ноября, а 1-го декабря все сполна возвращу тебе с соответствующими комплиментами.

Коли можешь, выручи, а не то буду думать о самоубийстве; впрочем, такого не совершу, а только подумаю.

Во всяком случае — не сердись.

Твой И. Потапенко.

P. S. Пожалуйста не подумай, что это мистификация. Это истина.

[14]

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ

25 ноября 1895 г. Петербург

25 ноября.
Николаевская, 61.

Милый Антонио,

Да, была мысль, подобная той, о которой ты пишешь[15]. Но все же мне казалось, что истинную нашу духовную связь не должны разрушить никакие впешние обстоятельства. И если я допускал сомнение насчет твоей дружбы ко мне, то я говорил себе: «это пройдет, это временно». Итак — все светло между нами, как и прежде, и я ужасно рад этому.

Если бы ты сообщил, когда приедешь[16] и надолго ли, я присмотрел бы тебе основательнее комнату. Я был на Морской. Там всегда что-нибудь есть свободное, поэтому можешь с вокзала ехать прямо туда. Если будет неподходящее, то потом освободится. Цена — 1 р. 25 — очень маленькая комнатка во двор; 2 р. — приличная, в 2 окна на улицу, с передней; в 3 — роскошные большие две комнаты, с двумя отдельными ходами; я видал те са-

мые, в которых жили Немировичи. Они (комнаты) свободны.

Крепко жму твою руку. Извести, когда приедешь. Адрес на первой странице.

Твой И. Потапенко.

[17]

ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО

8 апреля 1896 г. Мелихово

Прекрасный Игнациус! Что и как моя пьеса? Если черновой экземпляр освободинлся, то пришли мне его заказною бандеролью[18] по адресу: Лопасня, Моск. губ. Пишу тебе сие в понедельник, в 5 часов утра; солнце восходит за моей спиной, поют скворцы. Нового нет ничего, все по-старому. И скука старая. 3—4 дня поплевал кровью, а теперь ничего, хоть бревна таскать или жениться. Смотрю в бинокль на птиц. Пишу роман для «Нивы»[19],

Ну, будь здоров и благополучен. Поцелуй своего друга Фидлера.

Твой Antonius.

P. S. Где автор «Сократа»?[20] Про него ничего не слышно.

[21]

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ

9(21) мая 1896 г. Карлсбад

9⁽²¹⁾ мая. Карлсбад.
Hôtel Fassman.
Bahnhofstrasse.

Милый Антонио! Как видишь, я очутился в Карлсбаде, имея целью избавление своей печенки от камней и пр. и пр. С твоей «Чайкой» произошла маленькая история. Сверх всякого ожидания, она запуталась в сетях цензуры, впрочем не очень, так что ее можно будет выручить. Вся беда в том, что твой декадент индифферентно относится к любовным делам матери, что, по цензурному уставу, не допускается. Надо вставить сцену из «Гамлета»: «О, мать моя, чудовище разврата и порока! Зачем ты мужу изменила и этому меррзавцу предалась». — «О, сын мой! Ты сердце мне на части разорвал!» — «Отбрось его гнилую половину!» и т. д. Впрочем, мы отделаемся проще. Литвинов находит, что дело можно поправить в 10 минут. Но дело в том, что так торопиться теперь было бесполезно, ибо Театральный ко-

митет закрыл свои действия, по случаю коронации даже раньше обыкновенного. Если хочешь поручить мне зачеркнуть или вставить два-три слова, то я сделаю это в июле[22], когда приеду в Петербург искать квартиру. Ну, вот и все.

Карлсбад — красивое место. Он в ущелье, кругом — горы. Я здесь один, семья в Франценсбаде, в 2 часах езды. Мой курс продлится 4 недели, начиная от завтра, когда я в первый раз выпью стакан минеральной гадости. Какая досада, что у тебя печень в исправности, а то мы недурно провели бы сезончик. А нет ли у тебя упорных запоров? Они здесь отлично вылечиваются. Уж не говорю о том, что здесь столько «нравов», что они могут кормить нас обоих по крайней мере в течение года. Но главное не в этом, а вот в чем: недели через три сюда прибудет твой друг Фидлер. Он, как известно, немец. Мы с ним хотим вдвоем недельки три поехать дешево по Германии и Австрии, побывать в Праге, Нюрнберге, Аугсбурге, Будапеште, Мюнхене и пр. Он знает страну и язык, и с ним будет удобно. А уж что это обойдется дешево, ручательство то,

что он немец, и притом аккуратный. Ты не пожалел бы, если бы к тому времени прикатил сюда и потом поездил с нами. Это обойдется тебе не больше 250 р., и ты получишь великое удовольствие, за это я ручаюсь своею печенью. А времени возьмет у тебя не больше месяца. Приезжай, Антон, поступишь разумно. Если б ты только мог вообразить, какое здесь пиво! и какая природа! Две вещи, которые ты любишь, кажется, без оговорок.

Подумай, взвесь, сообрази, а лучше — не думай, не взвешивай и не соображай, а просто садись в вагон и дуй. Самый краткий путь для тебя: Граница, Прага, Карлсбад. Отсюда и двинем. Addio! [23] обнимаю тебя. В следующий раз напишу о необыкновенном появлении у меня в Петербурге Сергеенка и о том, что из этого вышло. А теперь надо писать продолжение для «Нового времени». Приезжай же, ей-богу приезжай!

Твой И. Потапенко.

[24]

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ

Вторая половина июля (до 25) 1896 г. Петербург

Милый Антонио!

Уговори Алексея Сергеевича и себя самого не торопиться с поездкой в Нижний. Подыши свежим воздухом и поговори о литературе. Я не знаю, что с твоей «Чайкой». Предпринял ли ты что-нибудь? Завтра зайду к Литвинову, если он здесь, и узнаю. Но теперь время у нас страшное. Цензора ходят обалделые. Есть слух, что будет отменена литература; а в таком случае и цензора не будут нужны и, следовательно, потеряют свои оклады. И потому они, как говорят, дружно стоят за литературу. Если не ошибаюсь, Вукола Лаврова решено посадить на кол, Гольцеву отрезать язык, а Ремезова назначить на должность швейцара в театральной улице. За достоверность слуха не ручаюсь. Жму твою руку и прочее.

Твой И. Потапенко.

Р. С. В настоящее время пишу повесть из быта гробовщиков, для чего сделал большие знакомства в этом мире. Пора ведь и о душе подумать!

[25]

ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО

11 августа 1896 г. Мелихово

Милый Игнациус, пьеса посылается. Цензор наметил синим карандашом места, которые ему не нравятся по той причине, что брат и сын равнодушно относятся к любовной связи актрисы с беллетристом. На странице 4-й я выбросил фразу «открыто живет с этим беллетристом» и на 5-й «может любить только молодых». Если изменения, которые я сделал на листках, будут признаны, то приклей их крепко на оных местах — и да будешь благословен во веки веков и да узриши сыны сынов твоих! Если же изменения сии будут отвергнуты, то наплюй на пьесу: больше нянчиться с ней я не желаю и тебе не советую.

На странице 5-й в словах Сорина: «Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек ее беллетрист?» — можно зачеркнуть слово ее. Вместо слов (там же) «Не поймешь его. Всё молчит» можно поставить: «Знаешь, не нравится он мне» или что угодно, хоть текст из талмуда [26].

Что сын против любовной связи, видно прекрасно по его тону. На опальной 37 странице он говорит же матери: «Зачем, зачем между мной и тобой стал этот человек?» На этой 37 странице можно вычеркнуть слова Аркадиной: «Наша близость, конечно, не может тебе нравиться, но». Вот и всё. Подчеркнутые места зри в синем экземпляре.

Когда же в Мелихово?

Значит, то, что можно, зачеркни, буде Литвинов скажет предварительно, что этого достаточно.

Благодарю за шоколад mignon. Я ел его.

16–17 уезжаю на юг, буду в Феодосии, поухаживаю за твоей женой. Во всяком разе пиши мне. После 20-го мой адрес такой: Феодосия, дом Суворина.

Ведь еще комитет!!

Если зимой отыщешь мне квартиру, то всю зиму проживу в Петербурге. Достаточно одной комнаты и ватерклозета.

Не проехаться ли нам вместе куда-нибудь? Времени ведь еще много. В Батум или в Боржом? Здорово попили бы винца.

Крепко сжимаю тебя в своих объятиях.

Твой должник Antonio.

11 авг.

Наклеить придется по одному листку в каждом экземпляре на 4-й стр. На 5-й же и на 37-й только зачеркивай. Впрочем, поступай как знаешь. Прости, что я так нагло утомляю тебя.

С своей стороны я подчеркнул зеленым карандашом то, что можно зачеркнуть и что, если стать на точку зрения цензора, наиболее зловредно.

[27]

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ

23 августа 1896 г. Москва

23 авг. В Москве.

Милый Антонио,

Ты исчез за день до моего появления в Москве. Это жаль. И куда ты исчез, никому неизвестно. Мне дал адрес в Феодосию, а поехал, кажется, на Кавказ[28]. Но я следую адресу и пишу в Феодосию.

Пьеса твоя претерпела ничтожные изменения. Я решился сделать их самовольно, так как от этого зависела ее судьба и притом они ничего не меняют. Упомяну о них на память. В двух местах, где дама говорит сыну про беллетриста: «я его увезу», изменено: «он уедет». Слова: «она курит, пьет, открыто живет с этим беллетристом» заменены: «она ведет бестолковую жизнь, вечно носитя с этим беллетристом», слова: «Теперь он пьет одно пиво и может любить только немолодых» заменены: «теперь он пьет одно пиво и от женщин требует только уважения» и еще две-три самых незначительных перемены. Дело в

том, что цензор желал не совсем того, как ты понял. Он требовал, чтобы Треплев совсем не вмешивался в вопрос о связи Тригорина с его матерью и как бы не знал о ней, что и достигнуто этими переменами.

Теперь пьеса пропущена. Давыдов сказал мне, что ты обещал ему дать пьесу для прочтения, и на этом основании я дал ему. По возвращении в Петербург (26-го) я отдам ее в переписку и затем 2 экземпляра представлю в Комитет. У меня есть твое прошение. Не помню, был ли ты так умен, чтобы не прописать месяца и числа. Если Всеволожский будет в Петербурге, то я добьюсь надписи «прочитать вне очереди», тогда она будет готова в начале сентября. Если его не будет, то она попадет в очередь, и это несколько замедлит ход. Думаю, что Григоровича в сентябре в Петербурге не будет. Если ты желаешь, чтобы пьеса читалась в Комитете в его присутствии, то напиши мне об этом.

Я уеду из Петербурга за границу 3-го сентября, а вернусь обратно числу к 25-му. Меня совершенно измучили камни. Двое суток шли. Теперь я бросил есть и пить. Ем только

куриную котлету, хорошо прожеванную поваром и двумя лакеями, а пью чай. Играл в Москве на скачках и выиграл 70 р. Кугель сообщил мне, что Соловьев настаивает, чтобы «Русская мысль» пригласила тебя редактором. Это — серьезно. Меньше шести тысяч не бери. Меня он хочет «назначить» редактором «Московского листка», так как ему известно, что для меня меньше 12 тысяч никак невозможно. Правдин что-то просил меня передать тебе о его благодарных чувствах по поводу какого-то присланного тобой рассказа, от которого он в восторге. В Москве, кроме Гольцева и актеров Малого театра; никого не видал. Завтра увижу мертвецов «Русской мысли». Говорят, что Ремезов впал в лихорадку от моей повести из быта гробовщиков, приняв ее за намек на то, что ему пора уже... А у Вукола начинается разжижение мозга. Это — самые свежие новости. Каково — приехать в Москву и — не есть, не пить! У Тестова ем — куриный бульон, в Московском трактире — яйцо всмятку, в Эрмитаже даже не был, а если буду, то стану пить аполинарис.

Будь счастлив. Слышал, что ты получил

какой-то «волчий билет» по железным дорогам[29]. Завидую!

Жму твои колени.

Твой И. Потапенко.

[30]

ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО

10 октября 1896 г. Петербург

Мне нужно видеться с тобой. Есть дело. Не придешь ли ты сегодня посмотреть «Банкрота»[31], который, говорят, идет очень хорошо? Или не побываешь ли у меня около полуночи? Надо поговорить конфиденциально[32]

Твой А. Чехов.
Четверг.
[33]

И. Н. ПОТАПЕНКО — ЧЕХОВУ

22 октября 1896 г. Петербург

Большой успех после каждого акта вызовы после четвертого много и шумно Комиссаржевская идеальна ее вызывали отдельно трижды звали автора объявили что нет настроения прекрасное актеры просят передать тебе их радость[34].

Потапенко.

[35]

ЧЕХОВ — И. Н. ПОТАПЕНКО

26 февраля 1903 г. Ялта

26 февр. 1903.

Здравствуй, милый мой Игнациус, наконец-то мы опять беседуем! Да, ты не ошибся, я в Ялте и проживу здесь, вероятно, до 10–15 апреля, потом поеду в Москву, оттуда за границу. Если случится, что тебе будет неизвестно, где я, то адресуй письмо в Москву, Художественный театр; оттуда мне перешлют.

Теперь насчет журнала[36]. Во-первых, ты не писал, в чем должны будут заключаться мои обязанности как издателя; о деньгах ты пишешь, что они не нужны, жить в Петербурге я не могу и, стало быть, ни участвовать в деле, ни влиять на него я буду не в состоянии; и это тем более, что всю будущую зиму я проживу за границей. Во-вторых, в издательском деле я никаких конституций не признаю; во главе журнала должно стоять одно лицо, один хозяин, с одной определенной волей. В-третьих, Мамин-Сибиряк и Вас. Немирович-Данченко талантливые писатели и пре-

восходные люди, но в редакторы они не годятся. В-четвертых, в сотрудники к тебе я всегда пойду, об этом не может быть и разговоров.

До 1904 года времени еще много, мы можем еще списаться, столкнуться, и ты, быть может, убедишь меня, что я и ошибаюсь.

Здравием похвалиться не могу. Всю зиму прохворал; был кашель, был плеврит, а теперь как будто бы и ничего. Даже писать сел и рассказ написал. Как ты поживаешь? Похудел? Пополнел? Я всегда вспоминаю о тебе с теплым, хорошим чувством. Мои все здоровы, особенных перемен нет никаких. Впрочем, я женился. Но в мои годы это как-то даже не заметно, точно лысинка на голове.

Жму тебе крепко руку и обнимаю.

Твой А. Чехов.

[37]

1903

Примечания

В дневнике П. Е. Чехова записано 29 января 1894 г.: «Были Потапенко и Мезинова», а 31 января — «Гости уехали на 2-х санях. Увезли щенят в Москву» (ЦГАЛИ).

[^^^]

2

Т. е. в Обществе любителей российской словесности при Московском университете.

[^^^]

Речь идет о Л. С. Мизиновой.

[^^^]

Печатается по автографу (ГБЛ). Письмо датируется по помете Чехова на письме — «94, П» — и по упоминанию о предстоящих именинах В. М. Лаврова (6 февраля).

[^^^]

Письмо Потапенко — ответ на несохранившееся письмо Чехова, очевидно осуждавшее Потапенко за легкомыслие в отношении Л. С. Мизиновой. Из ее парижского письма от 3 апреля 1894 г. Чехов знал, что Потапенко в Париже живет с женою, а с Ликой видится потихоньку от нее. «Свиньей» за отношение к Мизиновой Чехов назвал Потапенко и позднее, когда узнал, что она ждет от него ребенка (см. письмо к М. П. Чеховой от 2(14) октября 1894 г.).

[^^^]

6

Перифраз слов городничего из комедии Гоголя «Ревизор» (д. 5, явл. VIII).

[^^^]

О плане пьесы, которую Чехов собирался писать в Ялте в марте 1894 г., известно из его письма Суворину от 16 февраля 1894 г.

[^^^]

лицо, пользующееся особым расположением
(лат.).

[^^^]

Возможно, что речь идет о пьесе Потапенко «Чужие». 8 января 1894 г. Потапенко сообщил Чехову, что написал два акта новой драмы. Для постановки на сцене императорских театров пьеса должна была получить одобрение Литературно-театрального комитета. Пьеса «Чужие» в результате была поставлена на сцене театра, для которого этого одобрения не требовалось, — на сцене театра Литературно-артистического кружка, 24 октября 1895 г.

[^^^]

Печатается по автографу (ГБЛ).

[^^^]

совершенно (фр. tout à fait).

[^^^]

Или лучше — Юнкер. (Примеч. И. Н. Потапенко.)

[^^^]

8 ноября 1894 г. у Л. С. Мизиновой в Париже родилась от Потапенко дочь. Потапенко к этому времени отправился в Париж, тайком от жены и друзей. Считалось, что он поехал навестить отца; М. П. Чехова писала брату: «Потапенко... уехал в Херсонскую губернию, его отец болен» (29 октября 1894 г. — Письма М. Чеховой, с. 27). Чехов занял деньги для Потапенко в редакции «Русской мысли».

[^^^]

Печатается по автографу (ГБЛ).

[^^^]

Письмо Чехова не сохранилось.

[^^^]

Чехов собирался приехать в Петербург недели на две в декабре 1895 г., но ему удалось это только в январе 1896 г.

[^^^]

Печатается по автографу (ГБЛ).

[^^^]

Потапенко взял на себя хлопоты о прохождении «Чайки» через цензуру, которые тянулись несколько месяцев.

[^^^]

Романом для «Нивы» Чехов называет повесть «Моя жизнь»,

[^^^]

П. А. Сергеенко.

[^^^]

Письма, т. 4, с. 448; Акад., т. 6, С. 137.

[^^^]

15 июля 1896 г. цензурная рукопись «Чайки» была возвращена Чехову из Главного управления по делам печати. Цензор И. М. Литвинов отметил несколько мест, касавшихся отношения между Аркадиной и Тригориным; предосудительными ему показались «не столько самые выражения, сколько общий смысл отношений, определяемых этими выражениями. Дело не в сожителстве актрисы и литератора, а в спокойном взгляде сына и брата на это явление» (Акад., т. 6, с. 492). В тексте пьесы Чехов сделал замены некоторых выражений; цензора это не вполне удовлетворило, и Потапенко внес в текст дополнительные исправления. 20 августа 1896 г. пьеса была разрешена и дозволена к представлению. При публикации «Чайки» в декабре 1896 г. в «Русской мысли» Чехов восстановил доцензурный текст.

[^^^]

Прощай! (ит.).

[^^^]

Печатается по автографу (ГБЛ).

[^^^]

Акад., т. 6, с. 497–498 (частично). Печатается по автографу (ГБЛ). Письмо датируется по помете Чехова на нем: «96, VII»; из текста ясно также, что Чехов в это время находился в имении Суворина Максатихе, где он жил в двадцатых числах июля 1896 г., затем заехал по пути на день в Ярославль, к М. П. и О. Г. Чеховым, а 27 июля уже был в Мелихове.

[^^^]

или слова: «В ее годы! Ах, ах, как не стыдно!»
(Примеч. А. П. Чехова.)

[^^^]

Чехов, Лит. архив, С. 213–214; Акад., т. 6, с. 173–174.

[^^^]

Чехов, прежде чем попасть в Феодосию к А. С. Суворину, побывал в двадцатых числах августа 1896 г. в Таганроге, Ростове, Нахичевани, Кисловодске и Новороссийске.

[^^^]

Речь идет о билете для бесплатного проезда по железной дороге; 26 июня 1896 г. Чехов благодарил за него А. С. Суворина.

[^^^]

Записки ГБЛ, вып. 8, с. 55–56. Печатается по автографу (ГБЛ).

[^^^]

«Банкрот» (или «Банкротство») — пьеса Б. Бьёрнсона, которая шла в театре Литературно-артистического кружка.

[^^^]

Чехова беспокоила, очевидно, возможная встреча на премьере «Чайки» Л. С. Мизиновой с супругами Потапенко. 12 октября он писал М. П. Чеховой о Потапенко: «На „Чайке“ он будет со всем своим семейством, и может случиться, что его ложа будет рядом с нашей ложей, — и тогда Лике достанется на орехи». На премьере «Чайки» Потапенко не был, как объяснил он в своих воспоминаниях — «по особым личным обстоятельствам».

[^^^]

Чехов, Лит. архив, с. 214; Акад., т. 6, С. 191.

[^^^]

О втором и третьем представлениях «Чайки»
Потапенко писал в своих воспоминаниях (Че-
хов в восп., с. 361–362).

[^^^]

Печатается по тексту телеграммы (ГБЛ).

[^^^]

Потапенко в письме от 21 февраля 1903 г. подробно делился планами издания ежемесячного журнала, который «будет заключать в себе два главных отдела: беллетристический и отечествоведение... Будет выработана программа, в которую войдут, по возможности, все стороны русской жизни» (Акад., т. 11, с. 478). Это намерение не было осуществлено.

[^^^]

Письма, т. 6, с. 281–282; Акад., т. 11, с. 163–164.

[^^^]